

Д. В. ГРИГОРОВИЧ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Дмитрий Васильевич Григорович

Карьерист

**Дмитрий Васильевич
Григорович
Карьерист
Очерк**

Я познакомился с ним в гимназии, где мы вместе учились. Тогда еще стал он обращать на себя внимание товарищей. Ничем не отличаясь, по-видимому, от других мальчиков, маленький Ягозин (так его звали) всегда, между тем, был отличаем начальниками. В конце первого года он так подружился с сыном директора, что был принят у последнего наравне с сыном, ставился даже в пример ему. Директорша была без памяти от маленького Ягозина.

Помню, раз, в начале лета, нескольких воспитанников взяли на дачу. Мы разбежались немедленно по лесу и начали объедаться земляникой. Ягозин не съел ягоды: тщательно выбирая кусточки с лучшими ягодами, он составил из них маленький букет, перевязал его красиво ниточкой и, тайно ускользнув от нас, вернулся на дачу и преподнес свой букет директорше; мы узнали об этом после, во время обеда, от самой начальницы.

Шестнадцати лет можно было его видеть в день именин директора сидящим за роялем рядом с его дочерью и разыгрывающим в четыре руки какую-то сонату, нарочно сочинен-

ную для этого торжественного случая.

Откуда взялись вдруг музыкальные способности? Где выучился он играть? Где, наконец, нашел для этого время?... Все это оставалось совершенно покрыто мраком.

Вечером, в тот же день, во время бала, он танцевал с такою ловкостью, с таким юношеским увлечением вскрикивал: *Les dames en avant, s'il vous plait*, – что решительно обворожил всех присутствующих.

Мы перешли затем в университет и провели там с грехом пополам четыре года. Учились мы посредственно.

После выпускного экзамена все разбрелись в разные стороны: Ягозин остался в Петербурге и был немедленно кем-то определен на действительную службу.

Тут на некоторое время я потерял его из виду. Но прошло три-четыре года, я узнал – он сделался необходимым лицом у новой своей начальницы: состоял, должно быть, по особым поручениям. Мимо службы он занимал еще место секретаря двух дамских благотворительных комитетов: одного – «имеющего целью снабжение даровым мылом бедных

трубочистов», другого – «по снабжению нюхательным табаком бедных слепых старух»; сверх того он управлял танцами чуть ли не на всех балах столицы.

Встретясь с ним в этот период его жизни, я выразил наивно удивление: каким образом ухитрился он, чтобы проникнуть так скоро в большой свет.

– Любезный друг! – возразил он, прищуриваясь и посматривая куда-то своими серыми глазками (что доказывало, что в эту минуту он вовсе обо мне не думал), – любезный друг! надо провинчиваться в люди, *il faut se pousser au monde!*... – прибавил он и быстро пустился догонять какого-то важного сановника, проходившего по другой стороне улицы.

Не знаю, в чем собственно заключались служебные обязанности Ягозина; я встречал его всюду, на всех пунктах, где только в урочный час показывается «высшее дворянство», как печаталось когда-то в афишах увеселительных садов: на Дворцовой набережной, на мостках Летнего сада, в соборах при торжественных молебствиях (больше, впрочем, на виду при выходе из церкви), в ложах театра

во время антрактов, в креслах во время представления, на вечерах играющим вместе со старушками, на балах танцующим всегда в видной паре. Там имел он почтительный, какой-то наклоненный вид; здесь, во время танцев, лицо его отражало юношескую восторженность... подпрыгивая и перевертываясь с замечательною ловкостью, он и здесь, впрочем, в танцах, находил возможность придавать лицу что-то солидное, сдержанное и почтительное, когда проносился мимо особ существенного веса; словом, он был везде, поспевал всюду, являлся во всех видах, так что меня нимало бы не удивило, если б сказали, что, подобно знаменитому Пинетти, он в одну и ту же минуту выехал из всех застав Петербурга.

Его физическая подвижность, сама по себе уже весьма замечательная, была ничтожна перед способностью передвигаться нравственно.

Действует ли так сырой климат Петербурга, или скрываются другие, более сложные причины, но вы заметили, вероятно, что в большинстве петербургских жителей присут-

ствует что-то разварное и раскислое, преобладает какая-то расслабленность и черносливность, хотя тут же надо сказать – и вы, вероятно, также это заметили – свойства эти несколько не мешают служить с успехом и приносить пользу себе и отечеству.

Несмотря на то, что Ягозин был кровным детищем Петербурга, дышал со дня рождения воздухом Невского проспекта и сосал молоко охтенской кормилицы, он весь тем не менее состоял из одной быстроты и юркости. Встречаются иногда немцы такого темперамента, – особенно часто между берлинскими маклерами, комиссионерами всякого рода и старшими кельнерами: приземистые, белокурые, с беловатыми ресницами на красной коже, а между тем так вот и прыгают, как стрекозы, готовые, кажется, вскочить в зрачки, прежде чем вско-чут вам в карман.

Против таких немцев Ягозин тем отличался, что мог сдерживать свою юркость по желанию; в крайних случаях мог даже сосредоточить ее в своих серых, чисто уже славянских глазах; они выражали тогда попеременно все, что подходило к случаю: юношескую,

почти детскую откровенность, понимание самого тонкого, неуловимого намека, беспредельное повиновение, преданность, восторженное благоговение перед старшими, стремительное желание исполнить трудное поручение... Но всего не перечесть, что могли выражать глаза Ягозина. Он, конечно, много над собою работал, чтобы приобрести такие способности; но надо быть справедливым: много также дано было ему самой природой.

Быстрое повышение Ягозина удивляло многих; меня удивляло другое: я не понимал, когда находил он время для исполнения служебных обязанностей. Оставив скоро за собою всех своих товарищей по службе, он, помнится, тогда еще составил себе репутацию молодого человека с большим тактом и замечательными практическими способностями. Лица, которые приписывали его успехи одной юркости, которые называли его «Петербургским Леотаром, с тою разницей, что Леотар упражнялся в цирке и надо было тратить деньги, чтобы его видеть, тогда как Ягозиным можно было любоваться всюду и притом даром» – такие лица, я уверен, говорили только

из зависти.

Прошло еще три-четыре года. Ягозин занимал уже видное место при одной высокопоставленной особе. Форма службы Ягозина несколько не изменилась; он и прежде, заметьте, не столько служил собственно, как делали его товарищи, сколько всегда состоял при ком-нибудь и всегда скорее в качестве приближенного, домашнего человека, чем чиновника.

Но здесь, главным образом, отражалось на Ягозине высокое влиятельное положение его начальника.

– И вот, – говорил Ягозин при каждом новом повышении, – и говорил всегда голосом невинности, с оттенком чего-то скорбного против людского недоброжелательства, – вот непременно скажут, что я тут интриговал, добивался!... А я... я и не знал даже! Все это вышло совершенно случайно; я тут столько же виноват, сколько... сколько какой-нибудь Воскресенский мост...

Раз как-то, в этот самый период его карьеры, отправил я к нему общего нашего товарища по университету, человека в высшей сте-

пени смиренного, хотя и вышедшего из университета первым кандидатом с золотой медалью; но протекции у него не было, он попал с первого шага на службу в провинцию, и там, как это нередко случается, завяз и засорился. Обстоятельства заставили его искать места в Петербурге. Определение зависело от начальника Ягозипа, то есть как зависело: сказать слово – и дело сделано. Я советовал ему обратиться прежде к Ягозину: и тозарищ детства, и человек влиятельный.

– Ну, что? – спросил я, когда он вернулся ко мне на другой день.

– Сомневаюсь в успехе! – отвечал он, тяжело опускаясь в кресло.

– Как? отчего?...

– Начать с того, я, кажется, попал не вовремя. Хотя Ягозин принял меня ласково, но я не мог не заметить в его приеме присутствие чего-то... Точно его обеспокоили... Его, вероятно, ждали, или он ждал кого-нибудь, или просто был очень занят, как все здесь у вас в Петербурге, и я помешал ему... Он обещал, однако ж. Но все это вообще было как-то странно... очень странно!... – прибавил товарищ, забот-

ливо пожимая губами

– Что ж он сказал?

– Стали мы уже прощаться, он и говорит мне: «Я, любезный друг, скажу тебе откровенно, как старому товарищу; ты, пожалуйста, не сердись... Но есть такое обстоятельство. Оно, если хочешь, ничтожно, но все-таки оно не совсем ладно... Оно может, при твоём представлении, неблагоприятно повлиять на начальника...

– Что ж такое?... – спрашиваю.

– Ты знаешь, – говорит он, – в этих случаях весьма важно первое впечатление... Откровенно скажу тебе: боюсь за твой рост...

Я удивился.

– Как – рост? – спрашиваю.

– Да, любезный друг, должен предупредить тебя: он, то есть начальник, имеет предубеждение против людей высокого роста... Что ж делать! у этих лиц есть также свои слабости. Потом, говорит, есть еще другое обстоятельство...

– Что? – спрашиваю.

– Да вот, говорит, этот бас...

– Какой бас? – спрашиваю, ничего уже не

понимая.

– У тебя, – говорит, – такой густой бас; этого он также не выносит; громкий голос действует на него раздражительно. Оно, если хочешь, весьма понятно; сам посуди: с утра до вечера комитеты, аудиенции, заседания, совещания, доклады, представления... поневоле нервы раздражатся!... но, пожалуй, и это бы еще ничего, если бы...

– Разве еще что? Боже мой!... – спрашиваю.

– Извини, прошу тебя, – говорит он, – но надо смотреть на вещи настоящим образом; у всякого человека есть свои слабости... ну, а этим лицам они и подавно извинительны. Я желаю тебе добра, и потому только решаюсь предупредить тебя: я заметил, когда ты начинаешь объясняться, ты поминутно делаешь нервные движения, дергаешь головою и даже махаешь руками...

– Да, говорю, правда... ну, так что ж?...

– Ничего, решительно ничего, – поспешно возразил Ягозин, – только вот этого-то он особенно не выносит... Состоя, понимаешь, темперамента сырого, он любит прежде всего спокойствие. Предупреждаю тебя: когда бу-

дешь ему представляться, – войди тихо; не начинай говорить, прежде чем тебя не спросят; спросят – отвечай, понижая голос насколько возможно; отвечай кор сжато; словом, говори как можно меньше; больше слушай и старайся стоять спокойнее, даже, если можешь, с опущенными глазами... Что ж делать! – говорит, и тут начал похлопывать меня по плечу. – Что ж делать, не нам, – говорит, – переделывать свет; надо, братец, – говорит, – жить со светом!...»

– Сомневаюсь в успехе! – заключил товарищ.

И действительно, он был прав. Ему не удалось даже представиться; с того самого дня не было даже возможности добиться вторичного свидания с Ягозиным.

Вскоре весь служебный люд столицы заговорил о новом назначении Ягозина.

Рассматривая это назначение с точки зрения обыкновенной логики, оно по своей специальности не имело ничего общего с прежней служебной деятельностью Ягозина, диаметрально даже с нею расходилось. Но здесь руководством служили другие, более основа-

тельные соображения: прежде всего здесь нужен был человек надежный, верный и преданный. К тому же лицо, занимавшее прежде место, давно надоело, прискучило; в его управлении найдены были некоторые злоупотребления; говорилось даже о злоупотреблениях. Лицо это, конечно, было немедленно повышено, ему дали аренду, оставили полный оклад прежнего содержания и перевели в другое ведомство. Ягозин занял его место.

Со свойственной ему ловкостью он окружил себя специалистами, и здесь точно так же – благодаря своим помощникам – не замедлил обратить на себя внимание начальства.

Два года спустя, вспомнив обо мне случайно, он пригласил меня к себе на свадьбу: он женился на свояченице нового своего начальника, девице красивой и богатой, но имевшей несчастье обставить себя в глазах света какой-то таинственной, романтической историей.

Ягозин, переехав в дом жены, отделал его с большим вкусом и начал давать обеды, получившие в скором времени известность.

Мимо гастрономических качеств и редкости вин, обеды эти отличались еще внимательным подбором гостей, в силу тех приятных и полезных отношений, которые могли последовать как для гостей, так и для хозяина дома.

Если вы были нужны Ягозину, вы непременно встретили бы у него за обедом только тех лиц, которые, по его соображениям, были вам нужны или приятны особенным образом. Если бы вовсе не были нужны хозяину или даже были ему неприятны, но, по соображениям его, могли доставить удовольствие лицу, которое было ему нужно, вы также непременно приглашались.

В Петербурге, где каждому более или менее всегда что-нибудь очень нужно, все ездили на обеды Ягозина с большим увлечением. Выходя от пего, часто бранили его с таким же увлечением, находя, например, что он ничего не больше, как выскочка, и спаржа его несравненно тоньше, чем вчера у княгини Зинзивеевой; но Ягозин приобрел с годами философскую складку ума и мало обращал внимания на такие мелкие пересуды. Заме-

тив успех своих обедов, он сделался строже в выборе своих гостей; разумеется, это только прибавило к числу желающих получить приглашение.

В этот период времени Ягозин уже давно перестал танцевать; юркость была в нем все та же, несмотря на некоторую округленность живота; но она скорее перешла и установилась в его нравственной природе. К тому же танцы не шли уже к звезде, камергерскому ключу и ленте, которую, со свойственным ему тактом, носил он скромно под жилетом. В свете отдавался он висту; на балах предпочитал беседу, умея ее разнообразить до виртуозности; он мог начать с игривого скабрёзного анекдота, перейти к глубокому в практическом смысле замечанию и кончить даже поэтической мыслью. Все зависело от собеседника.

– М-г Ягозин, – сказала ему на бале подле меня графиня Ливенская, указывая на вальсирующую молодежь, – что вы на это скажете?...

– Да, графиня, – возразил он, подавляя вздох и с чувством расслабленной нежности в голосе, – да, и мы когда-то с вами так танце-

вали; теперь смотрю и восхищаюсь этой маленькой волшебницей, которую зовут вашей дочкой...

– Vous eles toujours charmant! – проговорила старая графиня, думая сейчас же пригласить Ягозина присесть на видное место и приступить с умным человеком к приятной беседе. Но умный человек быстро юркнул в толпу, гибко, как вьюн, скользнул между тесными рядами зрителей, – и вдруг... вдруг остановился, придав своему лицу выражение смиренной кротости и глубокого благоговения... Я посмотрел в ту сторону: из дверей выступала сановитая, влиятельная особа...

Таким видел я Ягозина в последний раз перед моим отъездом из Петербурга.